

МАЛЕНЬКАЯ ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Четыре альбома любви

(Продолжение. Начало в № 7-8.)

Потекли, незаметно сменяя друг друга, будни, наполненные учебной и новыми знакомствами. Уже в декабре 36-го многотиражная газета авиационного училища опубликовала в «Галерее отличников боевой и политической подготовки» фотографию курсанта Разумова. Первый отпуск домой и кадры «на память» в военных лагерях, увольнительная в город и карточки, подаренные товарищами по училищу, — все это потом сохранится в семейном архиве как напоминание о давних годах учебы...

Леля между тем постигала азы журналистики на занятиях во ВКИЖе и вместе с письмами вкладывала в конверты, отправлявшиеся в Чкалов, фотографии, сделанные кем-то из сокурсников по курсу на заседаниях редколлегии и во время сверки часов по радиосигналу (в 37-м это казалось настоящим сенсацией). Потом были учебные снимки, сделанные самой Лелей на занятиях по фотоделу — ВКИЖ, судя по всему, был провозвестником факультетов журналистики, которые откроются лет 30 спустя во всех крупнейших университетах страны и будут готовить на своих отделениях кадры профессиональных газетчиков, радистов и телевизионщиков...

А недодержанные в закрепителе «учебные» фотоснимки конца 30-х со временем желтели, и изображение на них подергивалось дымкой. Но разве это было главным... Для любви не существует «мелочей», будь это мгновения, запечатленные в Сокольническом парке во время прогулки с лучшей подругой или в комнате общежития на фоне серой стены. У любви свой, особый, язык — она ищет и находит смысл не в антураже, а в выражении глаз, в улыбке, в чуть нахмуренном или удивленном разлете бровей на милом лице... И сколько бы их ни было, фотографий с надписью «на память», присылаемых хоть каждую неделю, хоть по десять раз на дню, каждой из них непременно найдется достойное место в бесконечной «истории для двоих». И каждая через много лет всколыхнет в душе теплую волну счастья.

На острове их любви царил вечная весна. А остров окружала огромная страна, жившая «в сплошной лихорадке буден». Уже была принята новая, «сталинская», Конституция. Родная Магнитка обсуждала телеграмму Серго Орджоникидзе о поддержке инициативы сталеваров Донбасса довести выпуск стали в стране до 60 тыс. тонн в сутки. И даже происшедшее вскоре необъяснимое для многих самоубийство «железного наркомана», как и многочисленные аресты по обвинению в «заговорах» и «покушениях», волна которых неудержимо катилась по необъятной стране, не могли нарушить в жизни большинства привычного порядка вещей. Страна была увлечена грандиозной стройкой нового, самого счастливого и справедливого общества на земле. Великий сценарист и режиссер всех времен и народов умел создавать помпезные постановки, героям которых лишь в последний момент предстояло узнать свое истинное амплу.

В 1938-м решением ЦК ВКП(б) институт журналистики в Москве был закрыт «за вредность идей». Идеологическая «ересь» не миновала и учебного заведения, готовившего кадры главных защитников линии, проводимой партией и правительством. Впрочем, разве кому-то требовалось тогда четкие аргументы обвинения? Достаточно было обнаружить одного-единственного «врага народа» в профессорско-преподавательском составе ВКИЖа, чтобы объявить о пагубности всего учебного процесса.

И все они, отличники и просто хорошие студенты, в одночасье оказались несостоявшимися выпускниками, имевшими, однако, право на работу в редакциях газет. Куда отправилась Лена Плаксина? Разумеется, в Чкалов, где продолжал учиться Виктор. В редакцию областной газеты «Чкаловская коммуна» была принята она сначала литсотрудником совет-

ского отдела, а несколько месяцев спустя стала заместителем ответственного секретаря. Должности это были, надо заметить, для молодого специалиста весьма солидные.

С Виктором удавалось видеться редко. Военный аэродром, на котором проходили учения, находился слишком далеко от города. Но то, что жить друг без друга они уже не смогут, было ясно обоим. В феврале 1939 года Лена и Виктор поженились. Без свадебных торжеств под звуки марша Мендельсона, без обмена обручальными кольцами и толпы гостей. Их любви не требовалась вся эта мишура. Да и не до нее было. Ведь, в сущности, встречи продолжали оставаться редкими — у жены военного летчика нелегкий удел...

По окончании училища лейтенант Разумов был направлен сначала в Воронеж, затем переведен в Брянск и, наконец, — в один из бомбардировочных авиа-

короткого земного счастья, уже сотрясали раскаты взрывов. На столе тоненько позвякивала стеклянная ваза с живыми цветами... Эти цветы так и останутся стоять в опечатанной комнате. Прежние хозяева больше никогда в нее не вернутся. Но, покидая навсегда маленькую обитель оставшегося в той, мирной, жизни семейного благополучия, Леля знала твердо — она должна во что бы то ни стало добраться до Магнитки и там ждать. Ждать рождения сына, который должен был появиться на свет уже там, в городе их комсомольской юности. Как все молодые родители, они почему-то были уверены, что первенцем будет обязательно сын Витка. И ожидать возвращения Виктора. Потому уйти от нее навсегда в ужас и ад войны он не мог. Он никогда не исчезал из ее жизни надолго. И никакому огню и железу не дано было сокрушить эту силу надежды и веры в то, что рано или поздно они вновь будут вместе...

мутилось сознание... Единственным решением, которое мог еще принять лейтенант Разумов, было — прыгать! Он успел отстегнуть ремни и открыть кабину, но выпрыгнуть оказалось уже невозможно — тело отяжелело и больше не желало его слушаться. А потом надвинулась крошечная мгла...

Он очнулся во ржи, недалеко от леса. Обгоревший, безоружный, с резкой болью в правом боку (при падении сломал ребро). Произошло абсолютно необъяснимое чудо: с четырех тысяч метров неведомой силой его выбросило из самолета, а в 200 метрах от земли вдруг раскрылся парашют (видимо, почти безжизненная рука случайно зацепила кольцо). Пистолет сломался при падении. Впрочем, пусть себе пулю в лоб раненый лейтенант все равно не смог бы — обгоревшие пальцы свело, как крючья. Оставалось одно — попытаться выйти из

окружения и добраться до своих.

Пятеро суток, больной и голодный, он шел на восток, с немощным трудом преодолевая за сутки по 3-5 километров. А линия фронта, между тем, уходила все дальше и дальше — советские войска шаг за шагом оставляли западные территории страны. Постепенно начали гноиться ожоги на лице и руках, и если бы не добрые люди, подобравшие обессилевшего от голода и боли человека в летном шлеме, возможно, дни Виктора Разумова оказались бы сочтены. Но судьба распорядилась иначе.

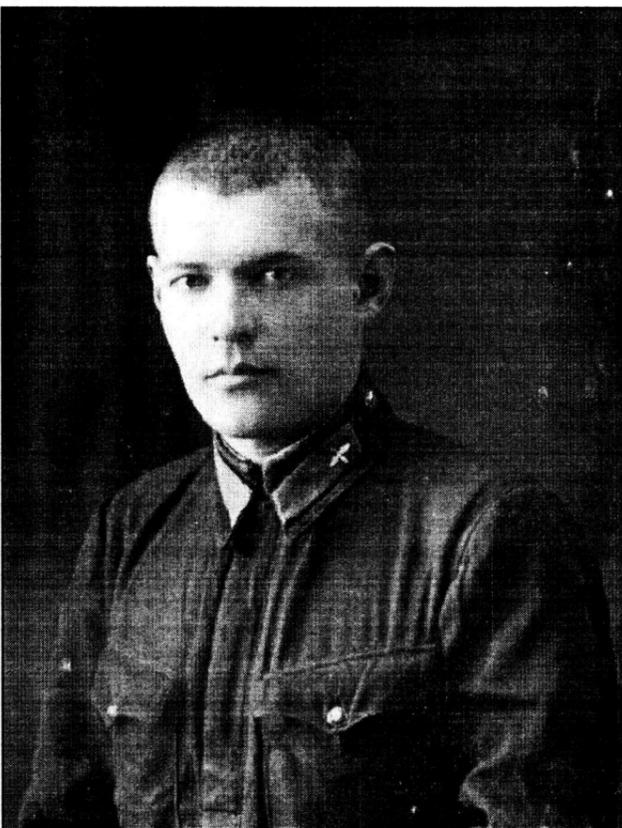
Его поместили в случившийся неподалеку полевой подвижной госпиталь, подбиравший раненых и больных с невыясненными диагнозами на оккупированной врагом территории. Десяток человек на койках, 150 — на соломе в сарае, «лечение» которых проводилось почти без медикаментов. Да что уж там лекарства — хлеба зачастую на всех не хватало. Недаром ведь в конце 42-го, когда наступательная инициатива медленно но верно начнет переходить в руки наших войск, эти военно-медицинские учреждения будут

упразднены «как не оправдавшие себя». А в начале войны большинство оказавшихся в них солдат и офицеров выжило скорее «вопреки», нежели «благодаря» оказанной помощи.

Виктор Разумов выжил. Уже после войны он узнает о том, что избитых в тот роковой июньский день над территорией, занятой противником, боевых товарищей добраться до линии фронта удалось лишь одному — капитану Шевцову, с которым в начале боя они шли «крыло к крылу». Что капитан Шевцов так и не смог рассказать в полку о том, что произошло с самолетом, которым управлял его друг, — слишком жаркой была битва. А в 42-м Шевцов сам погибнет при взлете... Что в июле 41-го не вернулся с боевого задания однополчанин, которому перед вылетом были сданы все документы, удостоверявшие личность летчика Разумова. Что понесший в начале войны большие потери их 100-й дальнебомбардировочный был расформирован все в том же 41-м и что вообще из их боевого братства к концу Великой Отечественной уцелеют совсем немногие...

В 45-м он тоже для многих воскреснет из мертвых. Потому что не вернувшегося из боя в течение 45 дней лейтенанта, согласно положению, причислят к разряду «пропавших без вести», о чем уведомят Лелю и близких родственников. И когда в декабре 1942 года на заснеженный Урал из штаба 2-го Гвардейского авиационного полка дальнего действия придет «похоронка», в конце которой будут стоять слова «Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО)», в необратимости случившегося поверят все. Все, кроме маленькой, хрупкой Лели, слабое сердце которой отказывалось верить любым официальным бумагам с гербовыми печатами и угловыми штампами...

(Продолжение следует.)

ционных полков Орловского военного округа... Стояла весна 1941-го, не предвещавшая России грозного лета. В военном городке авиационного гарнизона цвели яблони и благоухала сирень. И никто в те счастливые дни не мог еще представить себе масштабов грядущей катастрофы, до начала которой оставались лишь эта весна да несколько летних дней... Пакт Молотова-Риббентропа обеспечивал, казалось, хоть и зыбкую, но все-таки уверенность в том, что гитлеровская Германия, солдаты которой уже чеканили шаг по улицам западноевропейских городов, не станет вероломно нападать на бывшего союзника.

Самолеты германской военной авиации систематически проводили разведку укреплений на границах СССР, немецкая агентура вела диверсионную деятельность, но советским войскам было запрещено занимать оборонительные рубежи. На Запад продолжали идти товарные эшелоны, груженные рудой для нужд германской промышленности, Великий Вождь не доверял сведениям собственной разведки, предупреждавшей о роковом рассвете 22 июня. И в первый же день войны гитлеровская авиация уничтожит 1200 советских самолетов, больше 800 из которых даже не успеет взлететь с военных аэродромов.

...Когда в середине июля 41-го жена командира звена лейтенанта Разумова, вылетевшего 26 июня на боевое задание в район оккупированной врагом территории Западной Украины, спешно укладывала в чемоданчик самые необходимые в дороге вещи, начались бомбежки военного городка Орловского авиагарнизона. Что с мужем, жив он или убит в бою, Леля не знала. Прощаясь с ней, он просил об одном — ехать в эвакуацию в Магнитогорск. Там, в глубоком тылу, жили мать и старший брат Виктора Владимир с семьей.

Стены квартиры, в которой прошли дни их

То, что произошло в небе над Вольноью 26 июня 1941 года, было лишь эпизодом в истории Великой Отечественной, не вошедшим впоследствии ни в один из советских учебников истории. Слишком коротким сроком оказались те 4 часа воздушного боя наших бомбардировщиков с немецкими истребителями в масштабах хроники военных событий. Все произошло неуловимо быстро и необратимо. На фоне небесной лазури не было ни тучки, ни облачка. Самолеты с красными звездами на фюзеляжах виднелись в ней отчетливо, как и черные немецкие истребители, не смотря на завесу огня и дыма, заставившую, казалось, полнеба. Атаковавший слева самолет Разумова мессер бил зажигательными пулями прямо по кабине пилота, и от этих раскаленных «мушек», пролетающих в сантиметре от виска, лицу становилось жарко. К счастью, ни одна из них не попадала в цель — мешала бронированная спинка кресла.

Вышла из строя панель с приборами, правда, машину он мог вести и так, почти вслепую... Виктор не знал, жив ли штурман — на вопросы тот давно не отвечал, а оглянуться, чтобы увидеть, в чем дело, было невозможно. С ведущего самолета стрелок пытался бить по мессеру из локкового пулемета. Но эта стрельба давала тот же результат, какой имеет пальба пистонами из детского пистолета по листу бронированной стали.

Отчетливо врезались в память ненавистные черные кресты на крыльях «Me-109» и голова летчика в кабине самолета, шедшего почти вплотную к нашему бомбардировщику. Справа в это время начал заходить второй мессер, очередь из которого пробил бак с горючим, и огонь катастрофически быстро охватил машину. Самолет потерял управление и начал пикировать. Загорелась одежда, от едкого дыма